

Ли Сяюй помолчал, обдумывая случайно услышанные слова, и снова взглянул на густую кашу, которая была только в его миске.

Ли Сяюй выдохнул, и на душе у него стало легче.

Денег в семье действительно не хватит, если отец проиграет.

Чтобы остаться в Цычжоу с дядей, нужно заработать достаточно денег, чтобы можно было спокойно жить.

— Отец, мама, завтра я пойду работать поваром в ресторан.

Ли Сяюй спокойно произнес эти слова, словно бросив бомбу.

— Что?

— А?

Ли Цзючжоу и Чжоу Чжэньнян были ошеломлены, им показалось, что они ослышались от голода.

— Сяюй, ты сказал, что завтра ты чем займешься? — неуверенно переспросил Ли Цзючжоу.

Ли Сяюй спокойно ответил:

— Поваром. Я умею готовить, и довольно вкусно. Отец и мама пробовали несколько раз и хвалили меня.

Чжоу Чжэньнян подумала, что у нее проблемы с памятью:

— Когда ты научился готовить? Ты же даже овощи никогда не мыл? И когда я пробовала твою еду?

Ли Цзючжоу слушал и кивал, соглашаясь со словами Чжоу Чжэньнян.

Ли Сяюй:

— Когда мы были в столице, я несколько раз гулял и приносил домой вкусную еду. Я брал напрокат у сельчан кухни, покупал продукты и приправы и готовил.

— Это ты все приготовил!

Ли Цзючжоу вспомнил, что единственные несколько раз, когда он ел действительно вкусную еду, это было то, что приносил сын.

Но поскольку еда была очень вкусной, он ел ее с жадностью, не запоминая вкус, а только то, что было вкусно.

Потом, вспоминая, он не мог понять, что именно он ел.

Чжоу Чжэньнян тоже так же, она помнила только, что еда, которую приносил сын, была очень вкусной, но не ожидала, что он сам ее приготовил.

Она подавила другие мысли и с удивлением спросила:

— Ты, ребенок, если хотел готовить, то готовил бы, зачем так старался, тайком бегал готовить на стороне?

Ли Сяюй вспомнил:

— Один раз я подошел к кухонной плите, и отец с мамой сказали, что мне нужно только ждать еды и больше никогда не приближаться к кухонной плите.

В этой жизни у него наконец-то появились родители.

И он будет выполнять любую их просьбу, какой бы она ни была.

Эти слова ошеломили Ли Цзючжоу и его жену, они совершенно не помнили об этом.

Но они были уверены, что Ли Сяюй не обманывает их, этот ребенок с детства был таким, очень послушным.

Иногда он слушался их слишком буквально.

Случайно сказанное слово он запоминал и потом выполнял.

Они лучше всего помнили один случай, когда Ли Сяюю было десять лет.

Ли Сяюй не мог контролировать свои слезы и постоянно плакал.

Супруги не хотели, чтобы соседи говорили, что их ребенок больной, ведь они с таким трудом его родили.

Ли Сяюй каким-то образом услышал их разговор: «Надеюсь, Сяюй больше не будет плакать на людях».

С того дня Ли Сяюй больше месяца не выходил из дома.

Потому что он не мог не плакать, он мог только не плакать на людях.

Сначала они думали, что ребенок обиделся на что-то и поэтому не выходит, но он слишком долго сидел дома и никуда не ходил.

Это было очень странно.

В конце концов, супруги стали расспрашивать Ли Сяюя. Чжоу Чжэньнян сказала, что он должен сказать правду, иначе она не сможет спокойно спать, и тогда Ли Сяюй рассказал им причину.

Оказалось, что их случайно сказанные слова привели к такой ситуации.

Чжоу Чжэньнян было очень жаль, и она чувствовала себя виноватой, ее сын жил рядом с ней, словно на птичьих правах, постоянно оглядываясь на нее.

Ее сердце сжималось от боли, она проплакала несколько ночей.

С тех пор супруги больше никогда не говорили о том, что Ли Сяюй плачет.

А Ли Сяюй с тех пор стал более спокойным и завел много пустых тетрадей, в которых постоянно что-то писал и рисовал.

Ли Цзючжоу и Чжоу Чжэньнян знали, что это был способ ребенка контролировать свои эмоции.

Чтобы избежать сильных эмоциональных всплесков и не заплакать снова.

Но они не ожидали, что он еще и готовит.

Чжоу Чжэньнян снова стало грустно, ведь она десять месяцев вынашивала и с трудом родила этого ребенка.

А он жил рядом с ней, словно чужой, завися от чужой милости.

Осторожный и боящийся сделать что-то не так, словно боясь вызвать недовольство.

Ли Цзючжоу похлопал Чжоу Чжэньнян по спине и покачал головой.

У ребенка наверняка есть на то причины, раз он не говорит, значит, не хочет говорить.

Чжоу Чжэньнян очень переживала за сына и понимала, что имеет в виду муж.

Подавив свои вопросы, она сказала Ли Сяюю:

— Сяюй, ты, ребенок, просто слишком послушный. Ты делаешь все, что мы говорим, но иногда мы говорим что-то в шутку или просто не хотим, чтобы ты утруждался, а не запрещаем тебе это делать.

Чжоу Чжэньнян взяла Ли Сяюй за руку:

— Если ты хочешь готовить, то готовь. Кроме как поджигать дом, ты можешь делать все, что захочешь. Этот дом не только наш с отцом, но и твой, понял?

Ли Сяюй невольно улыбнулся, но тут же из его глаз полились слезы.

Он тут же перестал улыбаться, достал платок и, вытирая слезы, кивнул:

— Понял, мама.

Когда он немного успокоился, Ли Сяюй встал и взял тетрадь, с которой никогда не расставался, он протянул ее Ли Цзючжоу и Чжоу Чжэньнян:

— Отец, мама, это книга рецептов, которую я написал.

Тетрадь была довольно толстой, супруги удивились:

— Книга рецептов? Такая большая?

Неудивительно, что они были удивлены, ведь у повара обычно не больше десяти рецептов. А в этой тетради у Ли Сяюй было не меньше двадцати или тридцати.

Ли Сяюй не хотел снова плакать и старался контролировать свои эмоции, он был совершенно спокоен и равнодушен:

— Много? У меня все тетради — это книги рецептов.

Ли Цзючжоу вскочил:

— Что! Все!

Этих тетрадей было почти полстены! И все они были книгами рецептов!

— Сын, ты... откуда ты их взял? Мы — честные люди, не воруем чужие рецепты...

Голос Ли Цзючжоу становился все тише, он пристально смотрел на лицо Ли Сяюй, наблюдая за его реакцией.

Но он чувствовал, что его сын был спокоен, как будто вот-вот вознесется на небеса.

Ли Сяюй рассмеялся, увидев, как отец украдкой на него смотрит:

— Не волнуйся, отец, я их не украл.

Он не мог сказать, что в прошлой жизни был шеф-поваром, умер от переутомления и переродился в этом мире.

Поэтому он сказал полуправду:

— У меня с детства очень хороший вкус, я могу попробовать блюдо и сказать, какие приправы в нем использовались и в каком количестве.

— Более того, я могу улучшить его и сделать вкуснее. И я могу взять один рецепт и придумать на его основе много других. Все эти рецепты, которые я записал, — это улучшенные и придуманные мной рецепты. Их нет на рынке, они уникальны.

У Ли Сяюя действительно был хороший вкус, но эти рецепты были не из его памяти, а из прошлой жизни.

В прошлой жизни он всегда был один, в детстве он случайно нашел книгу рецептов на свалке.

У него не было детских книжек, и он читал книгу рецептов как свою сказку.

Он читал ее так много раз, что в конце концов выучил наизусть.

Хотя фотографической памяти у него не было, он всё же обладал несколько лучшей памятью, чем большинство людей.

Особенно это проявлялось после многократного чтения и заучивания наизусть, что ещё больше укрепляло его способность запоминать.

С тех пор у него вошло в привычку читать кулинарные книги и запоминать рецепты.

В моменты радости и грусти, гнева и одиночества он всегда молча проговаривал про себя рецепты, которые читал раньше.

За двадцать с лишним лет он прочитал и запомнил очень многое.

После внезапной смерти и перерождения в другом теле эти воспоминания остались с ним.

Научившись писать в этом мире, Ли Сяоюй испугался, что со временем всё забудет, и решил записать все рецепты по памяти.

К настоящему моменту он записал только половину.

<http://bllate.org/book/14262/1261450>